

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВЫХ ЯВЛЕНИЙ И КОММУНИКАЦИЙ

ИЗМЕНЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА В ПРОЦЕССЕ ТРОЛЛИНГА*

©2019 г. А.Н. Воронин*, Ю.В. Ковалева**

**Доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии речи, ФГБУН Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1; e-mail: voroninan@bk.ru

**Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория психологии личности, там же; e-mail: julkov@inbox.ru

Поступила в редакцию 30 июля 2019 г.

Аннотация. Работа посвящена изучению *субъектности сетевого сообщества* в ситуации негативного воздействия – *троллинга*, которое представляет собой вариант *некооперативной речевой стратегии*. Изучались текстовые сообщения (треды) членов сетевого сообщества, подвергнувшегося атаке тролля. Целью исследования было выявление дискурсивных маркеров различного уровня как индикаторов различных компонентов субъектности сетевого сообщества и реконструкция ее структуры. Было сделано предположение, что уровень субъектности сетевого сообщества, проявляющийся в его дискурсе, изменяется в процессе троллинга. Выявление *компонентов структуры субъектности* сетевого сообщества осуществлялось путем экспертной оценки текстов сообщений в тредах с помощью *перечня дискурсивных маркеров субъектности* сетевых сообществ, разработанного на основе психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых сообществ. Экспертная оценка материала исследования осуществлялась двумя экспертами-психологами с последующим согласованием разметки и фрагментации треда в ходе трех экспертных сессий. Идентификация тролля участниками сетевого сообщества происходит последовательно и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00606 (18-00-00605) «Субъектность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета».

вызывает спектр ответных реакций: противодействие *троллю*, обратный троллинг, обсуждение *тролля*, распад настроения, некоторые участники сетевого сообщества игнорируют *тролля* и продолжают взаимодействовать с ним обычным способом. Отмечено, что *тролль* ярче демонстрировал образ того, каким должно быть данное сообщество и более яростно «отстранял» участников дискуссии, апеллируя в том числе и к гражданской идентичности участников. Участники сообщества в свою очередь в большей степени наполняли свои твиты словами о следовании принятым групповым нормам и ценностям и указывали троллю на его языковую и понятийную несостоятельность в рамках данного сообщества. Было показано, что после атаки *тролля* сообществом были отвергнуты связывающие сообщество компоненты субъектности и заменены на иные, что и зафиксировано в радикально изменившейся *структуре субъектности сетевого сообщества*. *Ключевые слова*: интернет, сетевое сообщество, троллинг, психологическое воздействие, субъектность, дискурс, маркеры субъектности.

Информационно-психологическая безопасность личности и группы в наши дни при массовом распространении информационных технологий, в частности, интернета, становится все более актуальной проблемой. *Сетевая коммуникация* способствует не только достижению разнообразных целей, – профессиональных, познавательных, досуговых, но и создает условия для злоупотреблений в открытом интернет-взаимодействии – от проникновения в частную жизнь до целенаправленной травли, в том числе специфическими способами, доступными только в интернет-среде. Изучение различных видов *психологического воздействия* на примере феноменов *кибер-преследования* позволяет расширить представления как о личностной и групповой уязвимости, так и о потенциале противодействия негативным влияниям, индивидуальной и групповой жизнестойкости и жизнеспособности, а также основах *психологического благополучия* и здоровья человека и современного общества в целом (Шейнов, 2019; Жизнеспособность..., 2016; Психологическое воздействие..., 2012, 2014; Психологическое здоровье..., 2014).

Качеством, отражающим способность группы сохранять свою целостность, оставаться интегрированной и активной в различных условиях, в том числе и сложных жизненных ситуациях, самоорганизовываться с целью разрешения противоречий и конфликтов, является субъектность. Для группы быть субъектом означает взаимосвязанность и взаимозависимость ее членов, а также их умение действовать совместно, согласованно, рефлексировать групповые явления, опыт и историю группы (Журавлев, 2000, 2018). Основными объектами для изучения коллективной субъектности остаются совместная деятельность и жизнедеятельность членов реальных групповых объединений (Психология совместной..., 2001; Совместная деятельность..., 1988; и др.). Развитие цифрового общества и интернета позволяет ставить новые вопросы в этой области исследований, в частности о субъектности сетевых сообществ, правомерности использовании по отношению к ним понятия совместная жизнедеятельность (см.: Журавлев, 2001, с. 9-11 и др.), а также возможной специфике субъектности этих видов социальных групп (Бреслер, 2014; Ковалева, 2019а; 2019б).

Проблема коллективного субъекта разработана как в теоретическом, так и эмпирическом планах: выделены его признаки и на их основе различные проявления субъектности (потенциальная или предусубъектность, реальная субъектность и групповая саморефлексия). Так, например, проявления (или уровни субъектности) группы соотносятся с различной выраженностью ее признаков – для потенциальной субъектности это взаимосвязанность членов группы, для реальной – совместная активность, для рефлексивной – групповая саморефлексия (подробнее см.: Журавлев, 2000 и др.). Такой способ оценки скорее относится к макроанализу субъектности, некоторому статусу группы, который характеризует ее в целом, позволяет в принципе отнести к коллективному субъекту. Однако представляется, что возможен и более детальный анализ, при котором субъектность может пониматься как

динамичное качество, проявляющее себя в конкретных поведенческих актах или характеристиках. В зависимости от текущей задачи, группа актуализирует ту или иную сторону своих возможностей, необходимых для ее дальнейшего существования или развития. Такой подход соответствует общему определению индивидуального субъекта, в соответствии с которым он понимается как «качественно определенный способ самоорганизации, саморегуляции, согласования внешних и внутренних условий активности, центр координации всех психических процессов, состояний свойств, способностей, возможностей (и ограничений) личности соотносительно с объективными и субъективными (цели, притязания, задачи) условиями деятельности, общения и т.д.» (Брушлинский, 1999, с. 331). Такое определение может быть перенесено на группу, согласующую свои возможности с актуальными задачами.

Эти процессы еще более наглядно протекают в сети интернет, для которой характерны особые условия существования сообществ, «живущих» в *информационной среде*. За счет скорости распространения в сети текстовых и визуальных сообщений, способных выразить самые тонкие нюансы поведения и отношения, группа оказывается способна к очень быстрой самоорганизации, перестройке, само- и взаимной поддержке, самовоспроизводству, распаду и объединению на новых основаниях. Все это позволяет проводить более подробный анализ *групповой субъектности* и делать предположение о ее изменчивости под воздействием обстоятельств на различных этапах существования *сетевого сообщества*.

Настоящая работа посвящена изучению *субъектности сетевого сообщества* в ситуации негативного воздействия – *троллинга*. Троллингом называется «написание провокационных сообщений (реплик) с целью вызвать флейм, конфликты между участниками... оскорбления... и т.п. ... технологий и стилей троллинга существует огромное множество, но все они ведут к главной

цели – дестабилизации сетевого сообщества» (цит. по: Акулич, 2012, с. 32). Предполагается, что атака *тролля* – пользователя сети, реализующего *троллинг*, может представлять собой модель *трудной жизненной ситуации* для сообщества, в которой оно проявляет свою *субъектность*, в том числе и ее *динамику*, как отражение процесса самоорганизации в соответствии с условиями ситуации (этапами атаки и противодействия ей).

Троллинг представляет собой вариант *некооперативной речевой стратегии*, нарушающий благоприятный климат диалогового пространства, или способ общения, в основе которого лежит создание провокационных, издевательских, оскорбительных сообщений с целью нагнетания конфликтной атмосферы. В результате успешной *троллинг-атаки* меняется тональность дискуссии, которая превращается в место спора (часто с использованием обценной лексики), и изначальная кооперативная стратегия коммуникативного пространства превращается в конфликт. Явление троллинга может быть рассмотрено как форма агрессивного социального воздействия в рамках дискурсивного пространства интернета (Немыка, Ушаков, 2012; Психология дискурса..., 2016). Процесс коммуникации в социальных медиа существенно облегчается, но при этом увеличиваются и вероятность деструктивных психологических воздействий. Так, например, метаанализ результатов исследования *кибербуллинга* в подростковой среде показал, что с кибериздевательствами знакомы от 20 до 40% западных школьников (Шейнов, 2019), определены характерные черты *кибермоббинга* – социального преследования в интернете, дано определение понятиям «*кибербуллинг*» и «*киберсуицид*» как формам поведения в интернет-пространстве, а также *холливарам* – сетевым «священным войнам» с назначением жертв и преследователей во имя идеи (Галанова, 2018; Синицкая, 2017а).

Троллинг является одним из наиболее распространенных негативных явлений в сети. Провокационное поведение *тролля* осуществляется как

правило с целью переключения внимания на его персону, нарушает общение в группе, вызывает ответные, как правило негативные индивидуальные и групповые эмоции. Этимология слова восходит к английскому слову *trolling* – цеплять, ловить, которое в обычной речи обозначает один из способов ловли рыбы. Оно было впервые употреблено в 1990 г. пользователем одной из социальных сетей по отношению к соответствующему поведению собеседника (цит. по: Акулич, 2012). Троль бросает «наживку», «приманку» и ждет реакции группы, когда кто-либо откликается – процесс *троллинга* разворачивается в *полилог* с неопределенным финалом – от изгнания тролля из группы до распада актуального взаимодействия группы либо самой группы в целом. В качестве «наживки» может служить самый простой вопрос. Собственно, *троллинг* так и зарождался, – этот феномен был известен в сети интернет давно, – с безобидных игровых форм, когда один из пользователей изображал «дурачка», «шута», якобы не понимавшего что-либо – правил, информации, намерений других. В данном виде он существует и до сих пор, например, в качестве шуточных войн в Твиттере, направленных на *самовоспроизводство сообщества* в отсутствии *информационного повода* (Ковалева, 2019а).

Однако постепенно он перерос в целостное социальное явление, имеющее свои виды, формы, функции, представителей, историю и социальную организацию (Акулич, 2012; Внебрачных, 2012). Он эволюционировал к своим современным агрессивным формам, и рассматривается как вид *атаки*, задачей которой становится превратить спокойный *тред* (ветку *полилога* в социальной сети) в ярый спор, конфликт, в котором будет забыта первоначальная тема разговора (цит. по: Акулич, 2012, с. 32).

Троллинг трактуется как один из видов *социальной агрессии*. Независимо от того, какую форму имело его поведение – подстрекательскую, саркастическую, провокационную или невинно юмористическую, цель *тролля* – внести разлад в общество и привлечь внимание к собственной персоне. В

основном, исследователи называют *личностные причины* троллинга – демонстративность, зависимость, личную неуверенность, нереализованность и тому подобные качества *тролля*. Из специфических причин называется *анонимность*, которая доступна пользователям социальных сетей, актуализирующая многие негативные, в том числе перечисленные выше, личностные радикалы (Сальникова, Чекан, 2014). Различают несколько видов *троллинга* и, соответственно, *троллей*: *троль-комментатор*, *троль-провокатор*, *троль герой-любовник*, *троль-советчик* (Внебрачных, 2012). В целом же тролли делятся на «толстых», открыто нарушающих правила форумов и чатов, и «тонких», которые отличаются глубокими, возможно и природными, интуитивными познаниями в области психологии, действующих изощренно и зачастую добивающихся внушительных «успехов».

Основной стиль *троллинга* – это «*флудирование*» (наводнение) спам-сообщениями, т.е. не имеющими прямого отношения к содержанию бесед, конференций или диалогов пользователей интернет-форумов и социальных сетей. Когда спама становится больше 75% всех постов, читатели прерывают коммуникацию, и сообщество, сложившееся вокруг какой-либо темы, распадается.

Речевое поведение тролля относится к эмоционально-оценочному типу воздействия, в котором помимо классических приемов: высмеивания, приписывания негативных качеств, игнорирования фактов, требования доказательств, выделены, например, такие формы, как употребление малопонятных профессиональных терминов, придирки к пунктуации, искажение фактов, преднамеренно наивные вопросы, специальное использование и создание интернет-мемов и др. (Строителей, Сабурова, 2016). *Тролли* меняют тональность дискуссии, разрушают коммуникацию и взаимное доверие пользователей (Немыка, Ушаков, 2012).

Исследователи обращаются к проблеме противодействия *троллингу*, как со стороны пользователей, так и с юридической точки зрения (Акулич, 2012), однако конкретных ответов на эти вопросы пока не получено, и способы противодействия троллингу выглядят значительно беднее – пользователи называют лишь один из них – стараться не замечать *троллинг* и не отвечать на реплики *тролля*, но поскольку его цель получить ответ любой ценой, то, как правило, кто-то из группы не выдерживает и отвечает. Даже если это грубая и резкая отповедь, и *троль* изгоняется, – его цель так или иначе остается достигнутой, поскольку, со слов участников таких стычек, настроение после них бывает испорченным и течение беседы меняется. Данные о *групповых стратегиях противостояния троллингу* в литературе не представлены.

Современный технологический переход, на основе которого формируется цифровое общество, характеризуется появлением новых, так называемых, виртуальных ценностей (Мартьянов, 2015), к которым прежде всего относится ценность информации – основного предмета, вокруг которого строятся отношения в сетевых сообществах как «ячейках» новой социальной организации (Бреслер, 2014). Так, известен кодекс *хакеров*, который декларирует максимальную ее доступность и бесплатность и другие подобные установки. Однако помимо этой «всеобщей» ценности, имеющей значительную волатильность в зависимости от ее избытка или недостатка, определились и личностные измерения ценностей, к которым относятся – *индивидуальная автономность, самовыражение и свобода выбора* (Мартьянов, 2015, с. 320). Очевидно, что интернет с его открытостью и интернет-коммуникация с ее доступностью создают условия как для их реализации и достижения, так и возможности для их дискредитации. *Троллинг* представляет собой угрозу одновременно для всех трех ценностей, представленных как на индивидуальном, так и в особенности на групповом уровне, поскольку условием реализации индивидуальных ценностей как в реальном, так и

цифровом обществе является наличие *Другого* или *сообщества*, заинтересованного во взаимодействии, в частности, совместном создании, потреблении (обсуждении) и распространении информации. *Троль* вольно или невольно, сознательно или нет, ищет «слабое место» сообщества - противоречия в его информационном поле, способах функционирования (например, стиле общения, юморе, иронии), ценностях, событиях, зафиксированных в его коллективной памяти, скрытых травмах и др. (Синицкая, 2017б).

Таким образом, *троллинг* относится к явлениям, способным привести к негативным эмоциональным состояниям как индивида, так и группу людей, вплоть до массовых, коллективных эмоций – тревоги, недовольства, гнева (Емельянова, 2016). *Субъектность* как одна из фундаментальных характеристик социальных групп (подробнее см.: Журавлев, 2000, 2018 и др.) безусловно подвергается испытанию в случае атаки тролля, однако какие *изменения* в субъектности сетевого сообщества происходят в случае атаки, и какие *последствия* она вызывает остается пока не изученным.

Мы полагаем, что использование *дискурсивного подхода* к оценке субъектности сетевого сообщества позволит проследить динамику субъектности и ее компонентов в случае атаки тролля. Исследование дискурса сетевых сообществ связано с изучением реальной коммуникативной практики в разных условиях и социальных взаимодействиях. В рамках дискурс-анализа изучены практики, с помощью которых структурируются социальные и индивидуальные представления говорящих (Edwards, Potter, 1992; Potter, Whetherel, 1987; Harre, Gillet, 1994; и др.), оказывается воздействие и реализуется власть (Дейк, 1989, 2013; Шейгал, 2004; Чернявская, 2006; Wodak, 2009; и др.), организуется диалогическое взаимодействие собеседников и общение с аудиторией (Китайгородская, Розанова, 2005; Борисова, 2001; Иссерс, 2008; и др.).

Продвижение в этом направлении предполагает разработку подхода к эмпирическому изучению сетевых сообществ, сочетающего *социально-психологические* и *психолингвистические методы*. Так, ранее было показано, что различные формы *субъектности сетевого сообщества* проявляются в его дискурсе, конституирующем это сообщество, опосредующем взаимодействие его членов, транслирующем представления о мире, ценности, отношения, установки и задающем модели поведения его членов (Воронин, 2019).

Поскольку механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве интернета, наиболее полно раскрываются через анализ *феномена коллективной субъектности* (Журавлев, 2018), было сделано предположение, что *дискурсивные маркеры сетевого интернет-сообщества* будут релевантны признакам его субъектности: взаимосвязанности и взаимозависимости индивидов в группе, ее способности проявлять различные формы совместной активности, а также групповой саморефлексии. Поскольку социально-психологический статус сетевого сообщества не установлен, то и названные компоненты субъектности можно рассматривать лишь как ориентиры.

Предмет исследования: субъектность сетевого сообщества и ее динамика.

Объект исследования: текстовые сообщения (треды) членов сетевого сообщества, подвергшегося атаке тролля.

Целью исследования было выявление дискурсивных маркеров различного уровня (лексических, семантических, контент-аналитических шкал и пр.) как индикаторов разных компонентов субъектности сетевого сообщества, а также реконструкция ее *структуры*.

Основная гипотеза исследования: уровень субъектности сетевого сообщества, проявляющийся в его дискурсе, изменяется в процессе троллинга.

Задачи исследования:

1) фрагментация *треда сетевого сообщества* в социальной сети твиттер, в котором по субъективным оценкам его участников была зафиксирована атака тролля;

2) оценка субъектности сетевого сообщества и ее изменения с помощью дискурсивных маркеров на разных этапах троллинга.

МЕТОДИКА

В качестве *исследовательского материала* (выборка исследования) использовались тексты сообщений 2-х тредов твиттер-сообщества², подвергнувшегося атаке тролля (обоснование формирования сообщества в связи с информационным поводом в Твиттере см. подробнее: Бреслер, 2014; Ковалева, 2019а). Треды состояли из 184 сообщений, принадлежащих 28 участникам и длившихся 26 часов. Атака тролля была идентифицирована в ходе экспертной оценки текстов сообщений тредов с использованием лексическо-семантического анализа и анализа коммуникаций в них.

Выявление *компонентов структуры субъектности* сетевого сообщества осуществлялось путем экспертной оценки текстов сообщений в тредах с помощью *перечня дискурсивных маркеров субъектности* сетевых сообществ, разработанного на основе психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых сообществ (Воронин и др., 2019; Павлова и др., 2019).

Всего использовалось 64 дискурсивных маркера субъектности, относящихся к различным компонентам субъектности (см. табл. 1).

Таблица 1. Компоненты субъектности и их дискурсивные маркеры.

Компоненты субъектности	Дискурсивные маркеры
1. Языковая и понятийная идентификация	общность языка, метафор; общность референциальных объектов; «парольные» слова и выражения, разделяющие «своих» и «чужих»; приверженность определенному

² <https://twitter.com/julkov007/status/1114813281624051712>

<https://twitter.com/julkov007/status/1114809833532928000>

	семантико-тематическому полю и др
2. Готовность действовать	призывы к действию; формулы причастности, призывы к сплоченности и констатации единства; призывы к акциям за рамками сетей; создание эмоционального настроения воодушевления, уверенности и пр.; выраженность непосредственно-реактивной составляющей дискурса, эмоционального побуждения к немедленному действию и т.п.
3. Транслирование образа сетевого сообщества	оценочные суждения по поводу сообщества; отсылка к другим участникам сообщества, цитирование собеседников; сообщение о значимости сообщества, транслирование установок; внутренняя критика сообщества и др.
4. Групповые нормы и ценности	создание и поддержание традиций сообщества; формулирование коммуникативных норм, правил разрешения разногласий, выявление запретов, желательных и нежелательных тем; формулирование групповых ценностей, установок, притязаний; ссылки на совместный опыт общения и т.п.
5. Планирование и результаты совместных действий	формулирование и обсуждение цели сообщества; сообщение о совершенных действиях; отчет о совместной деятельности и ее результатах; готовность следовать организационным и управляющим воздействиям; обсуждение способов достижения цели; планируемая деятельность: напоминания, оповещения и т.п.
6. Отстранение «других»	маркирование социальной дифференциации, социокультурной инородности; умаление значимости «других», дискредитация; генерализация оценок; оскорбление, осуждение «других»;
7. Позитивная поддержка коммуникации	одобрение, поощрение, поддержка «своих»; вовлечение в коммуникацию, постановка вопросов, запрос/оспаривание мнения, выражение согласия; запрос помощи, просьбы, жалобы, обращения; поддержание диалога; похвала и т.п.
8. Защита границ сетевого сообщества	спор с чужими, агрессия по отношению к другим; предупреждение нежелательной активности: запреты, запугивание; возбуждение недоверия и враждебности к «другим» и др.
9. Гражданская идентичность	декларация и обсуждение гражданской идентичности; переживание потребности в

	принадлежности к какой-либо гражданской общности; обсуждение социальной защищенности; установка на изменения; установка на изменение существующего положения дел и др.
--	--

Оценка субъектности осуществлялась на основе *кумулятивно-аддитивной модели с винзорированным усреднением* по 9 первичным компонентам субъектности и 2 вторичным компонентам в соответствии с выявленной структурой субъектности сетевых сообществ, представленной на рис.1 (Воронин и др., 2019): готовность действовать, планирование и результаты совместных действий образуют отдельный кластер – вторичный компонент субъектности – обсуждение совместной деятельности; языковая и понятийная идентификация, транслирование образа сетевого сообщества, отстранение других, защита границ сетевого сообщества и гражданская идентичность образуют вторую вторичную компоненту – «Свои-чужие». Уровень субъектности для каждого из компонентов был вычислен как отношение количества выделенных маркеров субъектности, отнесенных к тому или иному компоненту, к количеству реплик определенного типа сообщений, выявленных в процессе троллинга (см. рис. 2). Также был введен параметр *Общей субъектности*, отражающий генерализованное представление субъектности сетевого сообщества, который рассчитывался как среднее по всем компонентам субъектности.

Примечание: * – первичные компоненты субъектности; ** – вторичные компоненты субъектности.

Рис. 1. Структура субъектности сетевых сообществ

Экспертная оценка материала исследования осуществлялась двумя экспертами-психологами с последующим согласованием разметки и фрагментации текста в ходе трех экспертных сессий, проведенных с использованием метода обоснованной теории (Glaser, Strauss, 1967; Glaser, 1978).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Идентификация тролля и фрагментация текста

Сообщения тролля были выявлены по нескольким критериям: 1) не соответствие семантико-тематическому полю дискурса сетевого сообщества; 2) по специфическим сообщениям одного из участников, опознавшего тролля; 3)

по ответным, не свойственным привычному характеру диалога, репликам участников сетевого сообщества.

Дискуссия в начале тредов проходила в виде иронического полилога (стеба) по поводу народных средств, используемых в бытовых целях. Участники сетевого сообщества «упражнялись» в остроумии и проводили время в «ни к чему не обязывающем общении». По сути, на этапе «До троллинга» преобладало *фатическое общение* (соответствует стадии самовоспроизводства сетевого сообщества, в том числе в Твиттере (Бреслер, 2019; Ковалева, 2019а)). Этот этап включал 28 твитов.

Сообщения *тролля* резко отличались серьезным отношением к заявленной теме и явным осуждением легкомыслия участников дискуссии. Несколько ответных реплик участников сообщества свидетельствуют об игнорировании сообщений *тролля* и даже попыток взаимодействия с ним в прежнем легкомысленном тоне. Только после трех его сообщений появляется явные указания со стороны членов сообщества на его высказывания как на неадекватные и не соответствующие дискуссии, например, «ё моё, а так все безобидно начиналось))))». Всего было пять твитов, явно указывающих на *тролля*, и твиты такого типа были объединены в группу сообщений «Опознание тролля». Поскольку к этому времени аккаунт *тролля* был однозначно верифицирован, то удалось и определить начало его атаки – первое сообщение, которое он послал в один из тредов. На рис. 2 представлена диаграмма Ганта для различных типов сообщений из анализируемых тредов.

Типы сообщений в процессе троллинга	Идентифицированные по типу и времени сообщения на ленте новостей
Коммуникации после тролля	
Обсуждение тролля	
Игнорирование тролля	

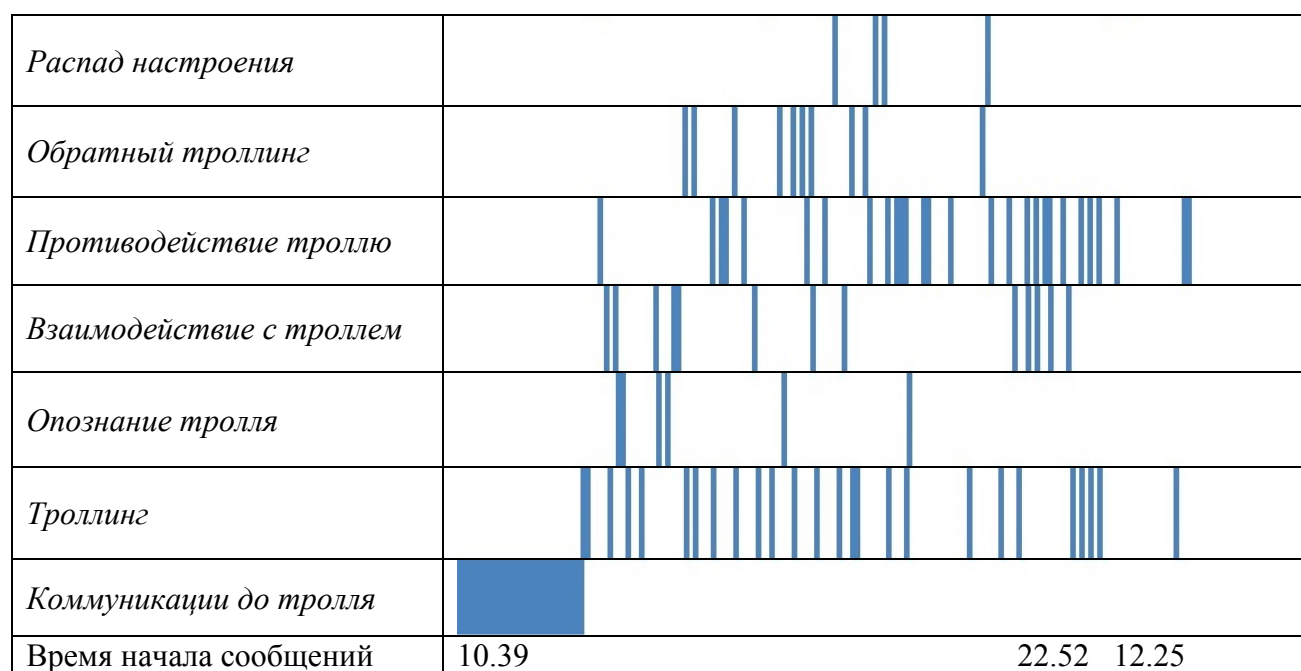

Рис. 2. Типы сообщений тредов, распределение по времени (порядок типов сообщений обратный, начало графика внизу таблицы)

Атака тролля длилась четыре часа и включала 27 сообщений. Еще одно – последнее сообщение тролля – было опубликовано в утренней дискуссии и незамедлительно вызвало противодействие, но никак не повлияло на характер коммуникации после троллинга. На завершающем этапе анализируемых тредов общение между участниками по стилю мало чем отличалось от «стеба» на этапе коммуникации «До тролля» с той лишь разницей, что одним из референциальных объектов оказался сам *тролль*, и тема вчерашнего троллинга была достаточной актуальной.

Этап «Коммуникация после тролля» состоял из 30 твитов.

Этап «Троллинг» включал и другие группы сообщений, которые можно рассматривать как специфические реакции на «троллинговые» твиты. Так, сообщения, отнесенные к типу «Обсуждение тролля» (23 твита), включали прямые указания на различные характеристики *тролля* и его неприемлемые особенности и/или действия, например – «Они (предполагается, что такие, как тролль – прим. авт.) сидят в засаде и ждут, эти уволенные сотрудники Петросяна...».

Этап «*Игнорирование тролля*» – 9 твитов – состоял из сообщений, обращенных к участникам дискуссии в обычном стиле, как бы продолжая прерванное «легкое общение», тема *тролля* в этих сообщениях не поднималась, и сам *троль* не обсуждался.

Группа твитов, обозначенных как «*Взаимодействие с троллем*» включала сообщения, направленные на попытки «нормального» общения с *троллем*. Участники, публиковавшие такие твиты, видимо не в полной мере понимали, что перед ними именно он, и продолжали взаимодействовать с ним, как с обычным членом сообщества. Всего было 16 таких твитов. По сути сообщения такого рода поддерживали серьезный тон обсуждения, задаваемый *троллем*, и тем самым расширяли троллинг.

Сообщения, сгруппированные в этап «*Обратного троллинга*» были адресованы непосредственно *троллю* и включали откровенное глумление над ним и его сообщениями. Всего было выделено десять таких твитов.

«*Противодействия троллю*» по содержанию мало чем отличались от «*Обратного троллинга*», но на этом этапе твиты были также обращены и к участникам сообщества, включая при этом иронию и сарказм (26 твитов).

Отдельную группу составляли сообщения минорного содержания, констатирующие сожаление по поводу случившегося и отсутствие настроения продолжать общение. Этот этап был назван «*Распад настроения*» и включал четыре твита. Всего было выделено десять типов сообщений (*Коммуникация после тролля, Обсуждение тролля, Игнорирование тролля, Распад настроения, Обратный троллинг, Противодействие троллю, Взаимодействие с троллем, Оpozнание тролля, Троллинг, Коммуникация до тролля*). При фрагментации треда отчетливо выделяются 3 этапа: собственно, этап троллинга, на котором происходит преимущественно взаимодействие с *троллем*, этапы «до» и «после» троллинга, на которых участники взаимодействуют друг с другом.

2. Оценка субъектности сетевого сообщества на разных этапах троллинга

Выявление компонентов субъектности сетевого сообщества и ее структуры осуществлялось путем экспертной оценки текстов сообщений в анализируемых тредах с помощью перечня дискурсивных маркеров субъектности сетевых сообществ, разработанного на основе психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых сообществ (Воронин и др., 2019; Павлова и др., 2019). Всего использовалось 64 дискурсивных маркера субъектности. Оценка осуществлялась двумя экспертами индивидуально с последующим согласованием мнений в ходе экспертной сессии.

Всего в двух тредах было выделено 465 маркеров субъектности, среди наиболее популярных были следующие: маркеры, относящиеся к фатическому общению, юмору, иронии; маркеры позитивной поддержки коммуникации; маркеры, относящиеся к транслированию образа сетевого сообщества, позволяющие идентифицировать и отстранить «других», оскорблять и осуждать «других»; маркеры возбуждения недоверия и враждебности к «другим» и др. Маркеры были сгруппированы по компонентам субъектности, характерным для сетевых сообществ (Воронин и др., 2019).

Оценка общей субъектности и ее компонентов осуществлялась на основе кумулятивно-аддитивной модели с винзорированным усреднением по девяти первичным и вторичным компонентам субъектности (Воронин и др., 2019) (см. табл. 2).

Таблица 2. Уровни субъектности различных типов сообщений в треде (относительное количество дискурсивных признаков субъектности к общему количеству сообщений по отдельному компоненту субъектности).

Компоненты субъектности Тип твита												
	Готовность действовать	Планирование и результаты совместных действий	Позитивная поддержка коммуникации	Групповые нормы и ценности	Языковая и понятийная идентификация	Транслирование образа сетевого сообщества	Отстранение других	Защита границ сетевого сообщества	Гражданская идентичность	Обсуждение совместной деятельности	«Свои-чужие»	Общая субъектность
До тролля	1,07	0,00	1,50	0,00	0,14	0,43	0,00	0,00	0,21	0,54	0,14	0,35
Троллинг	0,11	0,07	0,57	0,00	0,00	0,61	0,57	0,21	0,11	0,09	0,35	0,24
Опознание тролля	0,00	0,20	0,20	0,00	0,00	0,60	0,20	0,20	0,00	0,1	0,25	0,16
Взаимодействие с троллем	0,00	0,06	0,44	0,19	0,00	0,75	0,13	0,00	0,00	0,03	0,22	0,19
Противодействие троллю	0,04	0,27	0,85	0,04	0,08	0,35	0,27	0,19	0,04	0,15	0,22	0,24
Обратный троллинг	0,00	0,00	0,40	0,00	0,10	0,80	0,30	0,20	0,00	0,00	0,35	0,2
Распад настроения	0,25	1,25	0,50	0,00	0,50	0,25	0,50	0,00	0,25	0,75	0,31	0,36
Игнорирование тролля	0,00	0,14	0,29	0,14	0,07	0,71	0,00	0,00	0,00	0,07	0,2	0,17
Обсуждение тролля	0,00	0,35	0,39	0,00	0,13	0,61	0,30	0,04	0,00	0,17	0,27	0,2
После тролля	0,00	0,60	0,60	0,40	0,00	0,10	0,10	0,20	0,00	0,3	0,1	0,27

Различия по уровню выраженности различных компонентов субъектности представлены на рис 3.

Очевидны различия по некоторым компонентам субъектности, поскольку не выявлено соответствующих дискурсивных маркеров на этапах «до» или «после» троллинга. Так, на этапе «До троллинга» не выявлены дискурсивные маркеры субъектности для компонентов «Планирование и результаты совместных действий», «Групповые нормы и ценности», «Отстранение других», «Защита границ сетевого сообщества» и «Гражданская идентичность». Так не выявлены дискурсивные маркеры «Готовности действовать», «Языковая и понятийная идентификация» на этапе тредов «После троллинга».

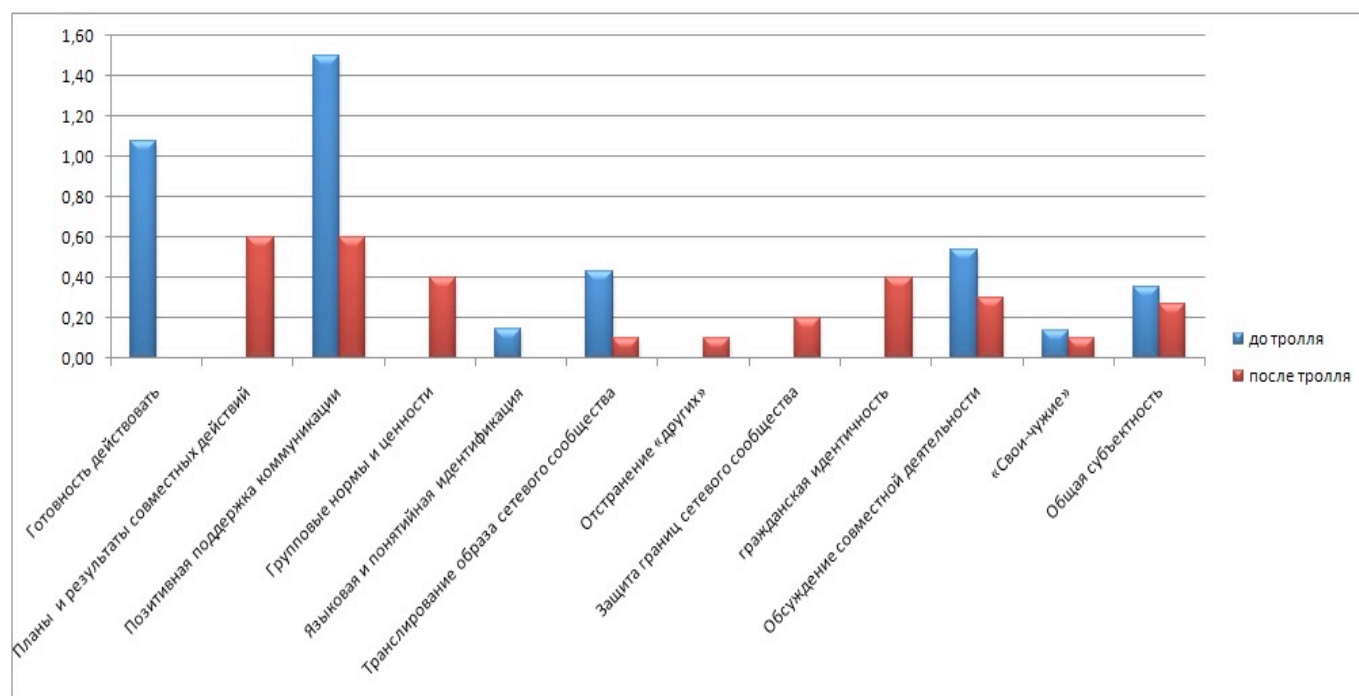

Рис. 3. Уровни компонентов субъектности этапов тред «до» и «после» троллинга

Значимость различий между уровнями общей субъектности и таких ее компонентов, как «Позитивная поддержка коммуникации», «Транслирование образа сетевого сообщества», «Обсуждение совместной деятельности» и «Свои-чужие» были оценены с помощью непараметрических критериев U Манна-Уитни, W Уилкоксона и Z Колмогорова-Смирнова. Результаты сравнения приведены в табл. 3.

Таблица 3. Оценка значимости различий компонентов субъектности на этапах «до» и «после» троллинга.

Статистики и значимость	Позитивная поддержка коммуникации	Транслирование образа сетевого сообщества	Обсуждение совместной деятельности	«Свои-чужие»	Общая субъектность
U Манна-Уитни	231,000	189,000	333,000	372,000	339,000
W Уилкоксона	696,000	654,000	798,000	837,000	804,000
Z Колмогорова-Смирнова	-3,009	-3,777	-1,455	-0,881	-1,850
Асимпт. Значимость (двусторонняя)	0,003	0,001	0,146	0,379	0,064

Уровень выраженности таких компонентов субъектности как «Позитивная поддержка коммуникации» и «Транслирование образа сетевого

сообщества» значимо снижается после атаки *тролля*. Общая субъектность снижается незначимо. Структура компонентов субъектности сообщества радикально изменилась в результате атаки тролля. Так, до нее общение в тредах сводилось к шуточному обсуждению намерений что-либо сделать, изобиловало *маркерами дружеской поддержки коммуникации*, содержало высказывания типа «какие мы замечательные...» (в терминах субъектности – содержало *маркеры трансляции образа сообщества*) и включало специфические сленговые слова и выражения, говорящие о языковой и понятийной идентификации «своих». После атаки *структура субъектности сетевого сообщества* была представлена большинством компонентов, за исключением «готовности действовать» и «языковой и понятийной идентификации». Если учесть, что «Позитивная поддержка коммуникации» и «Транслирование образа сетевого сообщества» значимо снизились, то складывается впечатление, что после атаки *тролля* сообществом были отвергнуты связывающие сообщество компоненты субъектности и заменены на иные, что и зафиксировано в радикально изменившейся *структуре субъектности сетевого сообщества* (см. рис. 4).

Иной интерпретацией существенного изменения *компонентного состава субъектности* может служить восстановление большинства ее компонентов как попытка декларировать существующую субъектность сообщества, как средство напомнить всем его членам о том, что «наше сообщество все еще существует, несмотря ни на что». После атаки *тролля* появилась необходимость продемонстрировать различные *аспекты субъектности*, которые при повседневном общении как-бы оказались в тени, и аксиологический аспект связанности и взаимозависимости участников сообщества был не так важен и актуален.

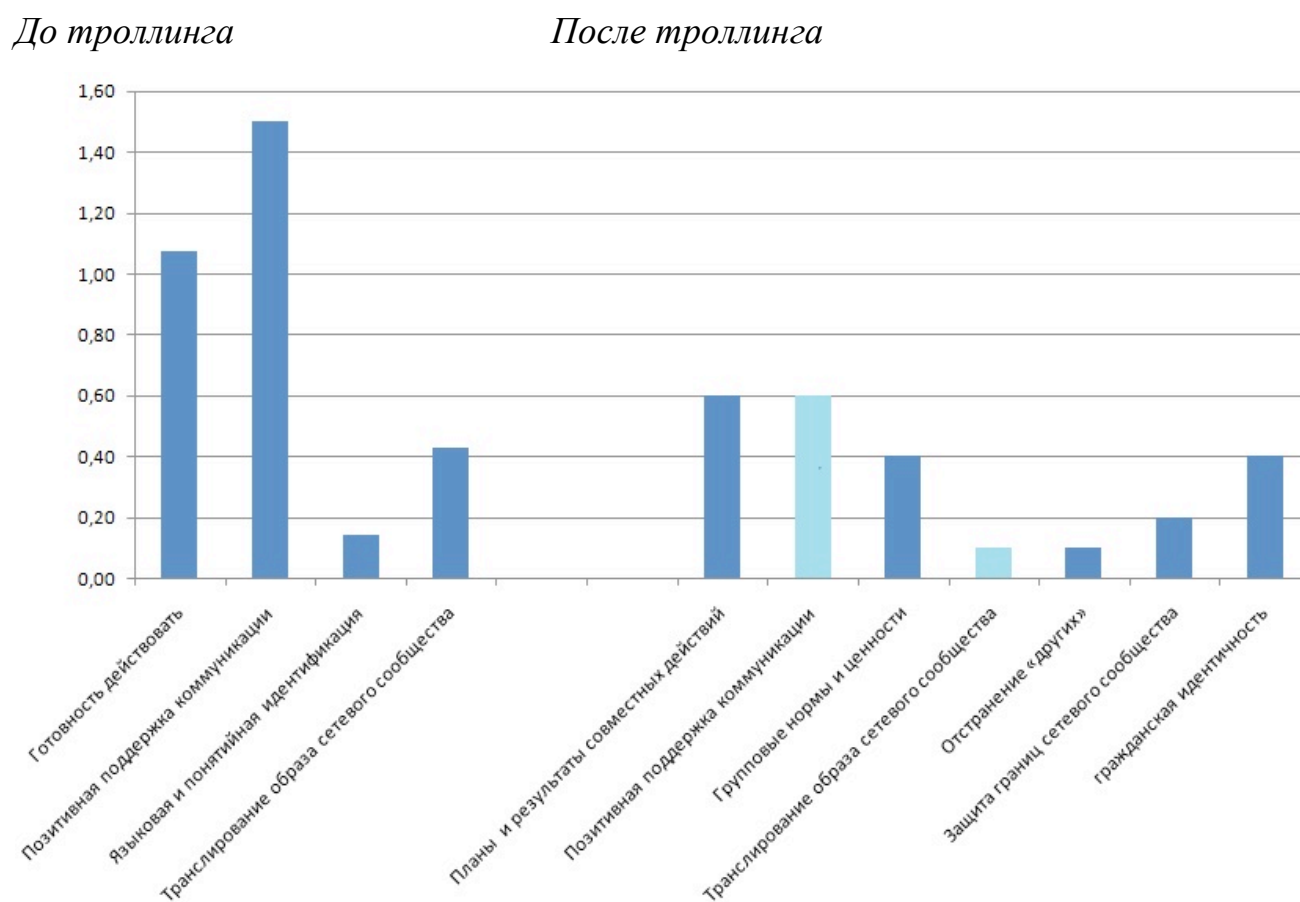

Рис. 4. Компонентный состав субъектности сообщества «до» и «после» троллинга

В случае атаки *тролля* нас интересуют прежде всего его твиты – их содержание также можно проинтерпретировать в терминах субъектности и оценить наполненность маркерами субъектности. Полученные данные представлены на рис. 5.

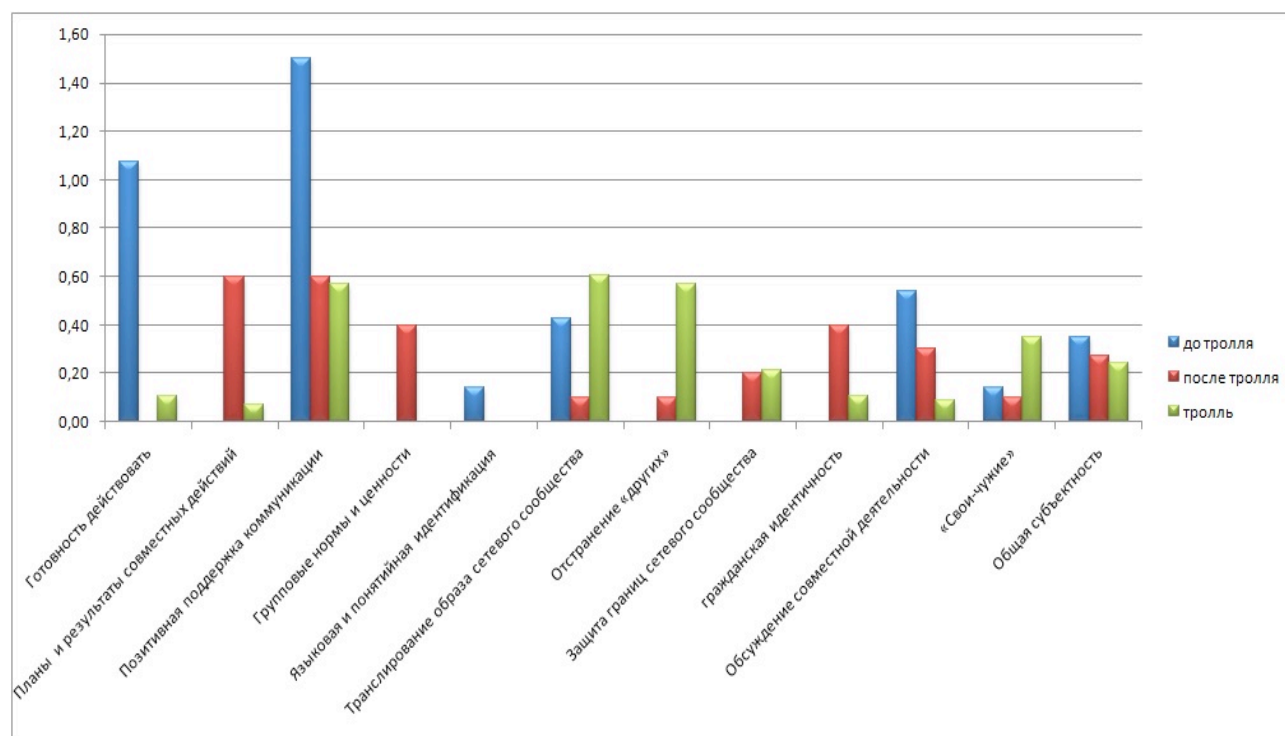

Рис. 5. Оценка твитов тролля в терминах субъектности

Наполненность твитов *тролля* маркерами субъектности, отражающими различия между «своими» и «чужими» выглядит вполне очевидным, но удивление вызывает характер этих сообщений. Троль буквально навязывает участникам сообщества свой *образ сетевого сообщества* и требует, чтобы ему следовали, яростно отстраняет «истинных» участников сообщества (фактически его организаторов), называя их «чужими», демонстрируя неуместность их поведения в дискуссии и не менее яростно отстаивая границы навязываемого несуществующего сообщества, придуманного им самим. При этом в качестве повода участвовать в групповой дискуссии *троль* использовал намерения участников сделать нечто вместе, обсуждая планы будущих действий. Возможно именно поэтому после троллинга участники сообщества перестали выражать готовность что-либо делать.

Субъектность твитов участников сообщества непосредственно во время троллинга и «субъектность» сообщений тролля представлены на рис. 6.

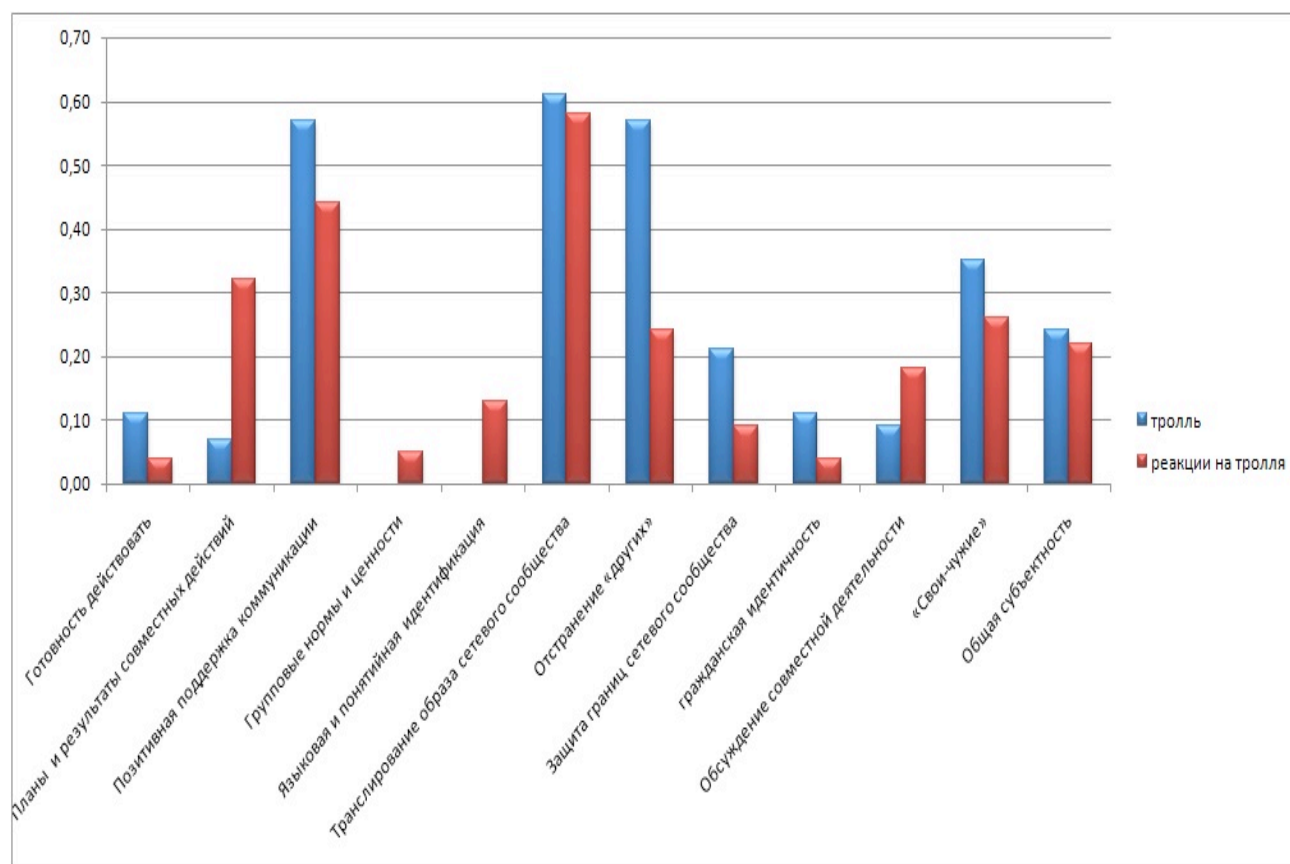

Рис. 6. Оценка твитов членов сообщества в терминах субъектности

Можно констатировать асимметричный ответ сообщества на атаку тролля. *Троль* ярче демонстрировал образ того, каким должно быть данное сообщество, как нужно защищать его границы, *троль* более яростно «отстранял» участников дискуссии, апеллируя в том числе и к гражданской идентичности участников. Участники сообщества, в свою очередь, в большей степени наполняли свои твиты словами о следовании принятым групповым нормам и ценностям и указывали троллю на его языковую и понятийную несостоятельность в рамках данного сообщества. При этом часть участников дискуссии продолжала обсуждать совместную деятельность, в том числе и с *троллем*, тем самым поощряя развитие атаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Атака тролля приводит к радикальному изменению компонентного состава субъектности и незначимое снижение общей субъектности.

Непринужденное общение до атаки *тролля*, направленное на обсуждение намерений что-либо сделать, презентует «позитивную поддержку коммуникации», включает разнообразные маркеры «трансляции образа сообщества» и сленговые слова и выражения, говорящие о языковой и понятийной идентификации «своих». После атаки *тролля* в *структуре субъектности сетевого сообщества* представлено большинство компонентов субъектности, за исключением «готовности действовать» и «языковой и понятийной идентификации». Выявлена наполненность твитов *тролля* маркерами субъектности, отражающими различия между «своими» и «чужими». Противодействие троллю осуществляется в виде асимметричного ответа.

Существенное изменение *компонентного состава субъектности* и незначимое снижение общей субъектности в результате атаки тролля в очередной раз подтверждают идею о своеобразной *психометрике субъектности* сетевого сообщества, основанной на приоритете разнообразия различных ее составляющих по отношению к уровню их проявления (Воронин, 2019): уровень субъектности сетевого сообщества зависит от разнообразия входящих в нее компонентов в большей степени, нежели от степени их выраженности.

Использование дискурсивной парадигмы для оценки субъектности сетевого сообщества позволяет оценить не только сообщество в целом, но и отдельные сообщения, включенные в исследуемый тред.

Практическая значимость работы определяется тем, что вопросы психологического воздействия в интернет-среде, приобретают особую значимость и остроту в условиях *глобальных изменений* жизни современного человека – обострения *психоисторического противостояния* и усиления *психоманипуляции* в самых разных областях жизни, связанных, прежде всего, с традиционными ценностями (Журавлев, Ковалева, 2018; Ковалева, Соснин,

2017). Понимание *динамики субъектности сетевых сообществ* под влиянием негативных информационных воздействий может способствовать разработке рекомендации для организации различных уровней информационной безопасности – индивидуальной, реальной групповой, сетевой, институциональной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акулич М.М.* Троллинг в социальных сетях: возникновение и развитие // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 8. С. 47-54.
- Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Бреслер М.Г.* Социальные сети и сетевые сообщества информационного общества. УФА: РИЦ БашГУ, 2014.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 330-346.
- Внебрачных Р.А.* Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. 2012. Вып. 1. С. 48-51.
- Воронин А.Н.* Методологические проблемы исследования субъектности сетевых сообществ // Психология и психотехника. 2019. № 3. С. 38-49.
- Воронин А.Н., Гребенщикова Т.А., Кубрак Т.А., Павлова Н.Д.* Субъектность сетевого сообщества: сравнение психометрических моделей проявления дискурсивных маркеров в контенте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 15-37.

- Галанова А.-А.В.* Кибермоббинг, кибербуллинг и киберсуицид как формы девиантного поведения в цифровом обществе // Возможности и угрозы цифрового общества. Ярославль: Издательство «Аверс плюс», 2018.
- Дейк ван Т.А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
- Дейк ван Т.А.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Емельянова Т.П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Журавлев А.Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 133-151.
- Журавлев А.Л.* Предисловие // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Изд-во «Социс»; «Институт психологии РАН», 2001. С. 8-11.
- Журавлев А.Л.* Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116-161.
- Журавлев А.Л., Ковалева Ю.В.* Глобальная психология: основные подходы к пониманию // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 201-209.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005.

Ковалева Ю.В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 1. Постановка проблемы и методический подход // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1. С. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (дата обращения 10.04.2019).

Ковалева Ю.В. Признаки совместной жизнедеятельности сетевого сообщества и личностные характеристики его членов: на примере социальной сети Твиттер. Часть 2. Результаты эмпирического исследования // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 2. С. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (дата обращения 10.08.2019).

Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения 06.04.2017 г.).

Мартьянов Д.С. Виртуальные ценности как фактор формирования политического сознания российского политического интернет-сообщества // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. Вып. 4. С. 33-40.

Немыка А.А., Ушаков А.А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Серия: вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С7 68-71.

Павлова Н.Д., Воронин А.Н., Гребенищикова Т.А., Кубрак Т.А. Разработка подхода к типологии сетевых сообществ на основе дискурсивных признаков коллективной субъектности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 17. № 3. С. 134-143.

Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.Д. Павлова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, М.И. Воловикова, Т.В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Психология дискурса: проблема детерминации, воздействия, безопасности / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Социс»; «Институт психологии РАН», 2001.

Сальникова Т.С., Чекан Н.С. Троллинг как современный интернет-феномен // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых

ученых, аспирантов, студентов. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2014. С. 220-221.

Синицкая А.В. Дискурс «жертвы» и границы публичной рефлексии в сетевых сообществах // *Международный журнал исследований культуры*. 2017 (а). 4(29). С. 120-127.

Синицкая А.В. Холивар не вынес двоих: коммуникативные конструкты «жертвы» и «provokatora» в интернет-пространстве // *Философская антропология жертвы: от архаических корней к современным контекстам. Материалы Всероссийской конференции с иностранным участием. Самара 12-14 сентября 2017 года / Под общ. ред. М.А. Корецкой. Самара: Самар. гуманит. акад. 2017 (б).*

Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: «Наука», 1988.

Строителев Н.М., Сабурова Н.А. Происхождение и эволюция троллинга: от провокационного речевого поведения до субкультурного феномена // *Ученые заметки ТОГУ*. 2016. Т. 7. № 3(2). С. 105-108. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_147.pdf (дата обращения 10.07.2019).

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Наука, 2006.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.

Шейнов В.П. Психологическая виктимизация жертв издевательств как источник их отрицательных эмоциональных состояний // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019. Т. 4. № 1. С. 94-123. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document662.pdf> (дата обращения 18.08.2019).

Edwards D., Potter J. Discursive psychology. London: Sage, 1992.

Glaser B. Theoretical sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978.

Glaser B., Strauss A. The discovery of grounded theory. Chicago: Aldine Publishing, 1967.

Harre R., Gillet G. Discursive mind. London: Sage, 1994.

Potter J., Whetherel M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987.

Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009.

BIBLIOGRAFICHESKIJ SPISOK

Akulich M.M. Trolling v social'nyh setyah: vzniknoenie i razvitie // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universitet. 2012. № 8. S. 47-54.

Borisova I.N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika. M.: LIBROKOM, 2009.

Bresler M.G. Social'nye seti i setevye soobshchestva informacionnogo obshchestva. UFA: RIC BashGU, 2014.

Brushlinskij A.V. Psihologiya sub"ekta i ego deyatel'nosti // Sovremennaya psihologiya. M.: INFRA-M, 1999. S. 330-346.

Vnebrachnyh R.A. Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshchestvah // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2012. Vyp. 1. S. 48-51.

Voronin A.N. Metodologicheskie problemy issledovaniya sub"ektnosti setevykh soobshchestv // Psihologiya i psihotekhnika. 2019. № 3. S. 38-49.

Voronin A.N., Grebenshchikova T.A., Kubrak T.A., Pavlova N.D. Sub"ektnost' setevogo soobshchestva: sravnenie psihometricheskikh modelej proyavleniya diskursivnykh markerov v kontente // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2019. № 3. S. 15-37.

- Galanova A.-A.V.* Kibermobbing, kiberbulling i kibersuicid kak formy deviantnogo povedeniya v cifrovom obshchestve // *Vozmozhnosti i ugrozy cifrovogo obshchestva*. YAroslavl': Izdatel'stvo «Avers plyus», 2018.
- Dejk van T.A.* Diskurs i vlast'. Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii. M.: LIBROKOM, 2013.
- Dejk van T.A.* Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya. M.: Progress, 1989.
- Emel'yanova T.P.* Fenomen kollektivnyh chuvstv v psihologii bol'shih social'nyh grupp [Elektronnyj resurs] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2016. T. 1. № 1. S. 3-22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (data obrashcheniya: 16.10.2016).
- Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty /* Otv. red. A.V. Mahnach, L.G. Dikaya. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.
- Zhuravlev A.L.* Psihologicheskie osobennosti kollektivnogo sub"ekta // *Problema sub"ekta v psihologicheskoy nauke*. M.: Izd-vo «Akademicheskij proekt», 2000. S. 133-151.
- Zhuravlev A.L.* Predislovie // *Psihologiya sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti malyh grupp i organizacij*. M.: Izd-vo «Socis»; «Institut psihologii RAN», 2001. S. 8-11.
- Zhuravlev A.L.* Kollektivnyj sub"ekt kak fenomen i ponyatie v sovremennoj psihologii // *Razrabotka ponyatij sovremennoj psihologii*. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. S. 116-161.
- Zhuravlev A.L., Kovaleva Yu.V.* Global'naya psihologiya: osnovnye podhody k ponimaniyu // *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2018. № 5. S. 201-209.
- Issers O.S.* Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M.: Izd-vo LKI, 2008.
- Kitajgorodskaya M.V., Rozanova N.N.* Rech' moskvichej: kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt. M.: Nauchnyj mir, 2005.

Kovaleva Yu.V. Priznaki sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti setevogo soobshchestva i lichnostnye harakteristiki ego chlenov: na primere social'noj seti Twitter. Chast' 1. Postanovka problemy i metodicheskij podhod // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 1. S. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document659.pdf> (data obrashcheniya 10.04.2019).

Kovaleva Yu.V. Priznaki sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti setevogo soobshchestva i lichnostnye harakteristiki ego chlenov: na primere social'noj seti Twitter. Chast' 2. Rezul'taty empiricheskogo issledovaniya // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 2. S. 6-40. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document684.pdf> (data obrashcheniya 10.08.2019).

Kovaleva Yu.V., Sosnin V.A. Psihoistoricheskoe protivostoyanie Zapada i Rossii v XXI veke: sociokul'turnye i social'no-psihologicheskie determinanty [Elektronnyj resurs] // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2017. T. 2. № 1. S. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (data obrashcheniya 06.04.2017 g.).

Mart'yanov D.S. Virtual'nye cennosti kak faktor formirovaniya politicheskogo soznaniya rossijskogo politicheskogo internet-soobshchestva // Vestnik SPbGU. Ser. 6. 2015. Vyp. 4. S. 33-40.

Nemyka A.A., Ushakov A.A. Diskursivnoe prostranstvo teksta: trolling kak element nekooperativnoj rechevoj strategii sovremennoj internet-kommunikacii // Vestnik RUDN. Seriya: voprosy obrazovaniya: yazyki i special'nost'. 2012. № 4. S. 68-71.

Pavlova N.D., Voronin A.N., Grebenshchikova T.A., Kubrak T.A. Razrabotka podhoda k tipologii setevykh soobshchestv na osnove diskursivnykh priznakov kollektivnoj sub"ektnosti // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Psihologiya i pedagogika. 2019. T. 17. № 3. S. 134-143.

Psihologicheskoe vozdejstvie: mekhanizmy, strategii, vozmozhnosti protivodejstviya / Otv. red. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2012.

Psihologicheskoe vozdejstvie v mezhlichnostnoj i massovoj kommunikacii / Otv. red. A.L. Zhuravlev, N.D. Pavlova. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2014.

Psihologicheskoe zdorov'e lichnosti i duhovno-nravstvennye problemy sovremennogo rossijskogo obshchestva / Otv. red. A.L. Zhuravlev, M.I. Volovikova, T.V. Galkina. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2014.

Psihologiya diskursa: problema determinacii, vozdejstviya, bezopasnosti / Pod red. A.L. Zhuravleva, N.D. Pavlovoj, I.A. Zachesovoj. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2016.

Psihologiya sovmestnoj zhiznedeyatel'nosti malyh grupp i organizacij / Otv. red.: A.L. Zhuravlev, E.V. Shorohova. M.: Izd-vo «Socis»; «Institut psihologii RAN», 2001.

Sal'nikova T.S., Chekan N.S. Trolling kak sovremennyj internet-fenomen // CHelovecheskij i professional'nyj potencial molodezhi regiona. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh uchenyh, aspirantov, studentov. Tyumen': Tyumenskij industrial'nyj universitet, 2014. S. 220-221.

Sinickaya A.V. Diskurs «zhertvy» i granicy publichnoj refleksii v setevykh soobshchestvah // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2017. 4(29). S. 120-127.

Sinickaya A.V. Holivar ne vynes dvoih: kommunikativnye konstrukty «zhertvy» i «provokatora» v internet-prostranstve // Filosofskaya antropologiya zhertvy: ot

arhaicheskikh kornej k sovremennym kontekstam. Materialy Vserossijskoj konferencii s inostrannym uchastiem. Samara 12-14 sentyabrya 2017 goda / Pod obshch. red. M.A. Koreckoj. Samara: Samar. gumanit. akad. 2017.

Sovmestnaya deyatel'nost': metodologiya, teoriya, praktika / Otv. red. A.L. Zhuravlev, P.N. Shihirev, E.V. Shorohova. M.: «Nauka», 1988.

Stroitelev N.M., Saburova N.A. Proiskhozhdenie i evolyuciya trollinga: ot provokacionnogo rechevogo povedeniya do subkul'turnogo fenomena // Uchenye zametki TOGU. 2016. T. 7. № 3(2). S. 105-108. URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2016/TGU_7_147.pdf (data obrashcheniya 10.07.2019).

Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdejstviya. M.: Nauka, 2006.

Shejgal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa. M.: Gnozis, 2004.

Shejnov V.P. Psihologicheskaya viktimizaciya zhertv izdevatel'stv kak istochnik ih otricatel'nyh emocional'nyh sostoyanij // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2019. T. 4. № 1. S. 94-123. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document662.pdf> (data obrashcheniya 18.08.2019).

Edwards D., Potter J. Discursive psychology. London: Sage, 1992.

Glaser V., Strauss A. The discovery of grounded theory. Chicago: Aldine, Chicago 1967.

Glaser B. Theoretical sensitivity. Mill Valley, CA: Sociology Press. 1978.

Harre R., Gillet G. Discursive mind. London: Sage, 1994.

Potter J., Whetherel M. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour. London: Sage, 1987.

Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009.

CHANGE OF NETWORK COMMUNITY'S SUBJECTIVITY DURING TROLLING PROCESS**

A.N. Voronin*, Yu.V. Kovaleva**

*Sc.D. (psychology), leading research officer, laboratory of psychology of speech, FSFES Institute of psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: voroninan@bk.ru

**Ph.D. (psychology), senior research officer, laboratory of psychology of personality, the same place; e-mail: julkov@inbox.ru

Summary. The work was devoted to the study of the subjectivity of the network community in the situation of negative impact – trolling, which is a variant of non-cooperative speech strategy. Text messages (threads) of the network community members attacked by the troll were studied. The study aimed to identify discursive markers of different levels as indicators of various components of the network community 's subjectivity and reconstruction it's structure as well. It has been assumed that the level of the subjectivity of a network community manifested in its discourse varies during the trolling process. The identification of components of the network community subject structure was carried out by expert evaluation of message texts in threads using a list of discursive markers of network community subjectivity, developed based on the psycholinguistic analysis of the body of network community texts. The expert evaluation of the study material was carried out by two expert psychologists, followed by harmonization of the marking and fragmentation of the triad during three expert sessions. Identification of the troll by participants of the network community happens consistently and causes a range of responses: I troll counteraction, the return trolling, discussion of the troll, disintegration of mood, some participants of network community ignore the troll and continue to interact with it in the usual way. It is noted that the troll more brightly demonstrated the image of what this community should be and more violently "removed" the participants of the discussion, appealing also to the civil identity of the participants. Members of the community, in turn, filled their tweets with words about following accepted group norms and values and pointed out to the troll its linguistic and conceptual failure within the community. It has been shown that

** The study was funded by RFBR according to the research project № 18-00-00606(18-00-00605).

after the troll attack, community-binding components of the subjectivity were rejected by the community and replaced with others, which is recorded in the radically changed structure of the subjectivity of the network community.

Keywords: Internet, network community, trolling, psychological impact, Subjectivity, discourse, markers of subjectivity.